

Феномен глобализации в контексте политической философии Гегеля

Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор
(выступление на 26-ом Гегелевском конгрессе в г. Познань)

Основные тенденции современной эпохи – это: а) монополярность мира (как монополия права на «разумность»), б) мессианизм (как претензия этой «разумности» быть единственной реальностью), в) насильственное разрешение конфликтов. Как результат, современные процессы глобализации могут быть эффективно описаны в терминах гегелевской политической философии. Механизмы самореализации абсолютного Духа гегелевской философии могут быть апплицированы, таким образом, на логику современного социального развития.

The Phenomenon of Globalization in the Context of Hegel's Political Philosophy

T. Rumyantseva, PhD in Philosophy, Professor

The basic tendencies of the modern world are: a) monopolarity of the world (as the monopoly of the right to «reasonability»), b) messiahism (as the claim of this «reasonability» to be the only reality), c) violent resolution of conflicts, etc. As a result, the modern processes of globalization can be efficiently described in terms of Hegel's political philosophy. The mechanisms of self-realization («expansion») of absolute Spirit in Hegel's philosophy can be applied to the logic of contemporary social development.

Основные тенденции современной эпохи, для которой характерны: а) однополярность мира (как своего рода монополизация права на разумность); б) мессианизм (как претензия «разумности» быть единственной действительностью); в) силовое «снятие» конфликтов и т.п., позволяют судить о том, что *современные процессы глобализации могут быть высокоэвристично описаны в терминах политической составляющей философии Гегеля*, которая, как известно, всегда претендовала на то, чтобы дать ответ на насущные потребности эпохи. То, что философ предложил в качестве механизмов самоосуществления, своего рода «экспансии» абсолютного духа, в настоящее время вполне может быть апплицировано на логику развития современного мира.

1. Для анализа процессов глобализации весьма примечательно высказывание Гегеля, согласно которому философия призвана осмысливать то, что уже сформировалось, «не в особенном и случайном», а «в себе и для себя» – в виде устоявшихся тенденций. Отвергая в целом статичный, механический взгляд на мир, Гегель квалифицировал его как мобильное, постоянно обновляющееся образование. Но поскольку эти характеристики мира были у Гегеля лишь проявлением саморазвития понятия, то он не считал возможным и оправданным осмысливать переходные, еще не определившиеся, несостоявшиеся тенденции эволюции. Философия всегда приходит слишком поздно. Мысль о мире появляется после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла свое-

го завершения. Гегель писал: «...лишь в пору зрелости действительности идеальное выступает наряду с реальным и строит для себя в образе интеллектуального царства тот же мир, постигнутый в своей субстанции. Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой...; сова Минервы начинает свой полёт лишь с наступлением сумерек» [1, с. 56].

В этой связи сама возможность анализа процессов глобализации в современном мире как бы задаётся подобного рода установкой философии Гегеля. Более того, процессы глобализации современного мира, при условии, что дух атлантического сообщества (т. е. цивилизаций Европы и Америки) не будет увлекаться избыточными комплиментами в свой адрес, может быть описан вполне адекватно языком системной философии Гегеля.

Глобализация, её развертывание с середины XX – начала XXI века, является уже действительно состоявшимся и в значительной мере определившимся фактом. Более того, она является ярким подтверждением тому, как может ошибиться политическая философия, если она впопыхах, ещё до того, как явление в полной мере проявит себя, определяет логику развития мира.

Первые содержательные и системные характеристики того социального строя, который является сегодня подлинным субъектом глобализации и который был назван в своё время «финансовым капиталом» (Гильфердинг), а позже был обозначен Лениным как «империализм», получил системный

анализ примерно 90 лет назад. Но если Гильфердинг увидел за империализмом будущее человечества, то Ленин обозначил его как «загнивающий и умирающий капитализм – канун социалистической революции». Перепутав крик новорожденного младенца – только-только появляющегося субъекта глобализации – с его предсмертными хрипами, Ленин обрёл тем самым на гибель, на подчинённую, ведомую и зависимую роль в геополитическом, духовном и историософском измерении всю евразийскую систему коммунизма. А она также претендовала на роль субъекта глобализации: речь шла ни много ни мало, о победе коммунизма во всемирном масштабе.

Итак, *глобализация началась уже давно*, быть может, ещё тогда, когда президент США Вильсон стал предлагать универсальную модель социального развития для всего мира. Глобализация имеет почти вековую историю, и мы можем сегодня осмысливать её как объект философской рефлексии, опираясь на гегелевскую гносеологическую установку – осмысливать *ставшее*.

2. Теоретическая реконструкция и осмысление феномена глобализации могут быть осуществлены сегодня через ряд терминов политической философии Гегеля. Более того, в каких-то ситуациях возникает интеллектуальное ощущение, что эволюция современного мира во всё возрастающей мере начинает напоминать систематику эволюции мирового Духа по Гегелю. Так, утвердившаяся к концу XX века однополярность мира с присущей ей концентрацией вокруг ценностей либерального атлантисма вполне соответствует идее Гегеля о монистическом характере разумного начала в мире. Понимая, что развёртывание мирового Духа происходит в формате алгоритмов диалектики, Гегель тем самым постулировал возможность утверждения так называемой «исторической необходимости» через «соревнование», «конкуренцию» различных противоположностей разного уровня. При этом сценарий эволюции мирового Духа, предполагающий, в конечном счёте, позитивное и креативное снятие противоположностей, имманентно содержит в себе некую универсальную, монистически несущую конструкцию прогресса абсолютного Духа, сближающую гегелевскую философию с идеологиями монистического типа. Т. е. философия Гегеля жёстко постулирует как своего рода промысел Божий монополярность мира. В этом отношении воинствующий мессианизм, присущий абсолютному, глобализирующему мир Духу в лице западной цивилизации, имеет своего рода аксиологическое обоснование претензии разумности бытия абсолютного Духа трансформироваться в единственную действительность.

3. Очень чётко, на наш взгляд, демонстрирует гегелевский характер современной эпохи и воплощение в жизнь его идеи *о роли войн в эпоху утверждения абсолютного духа*. Вспомним, что Гегель обосновал право государства начинать и вести войну, руководствуясь лишь собственным благом в его особенности, право вести войну на благо себе, подчеркивая высокую нравственную значимость войны. Исторические события XX–XXI веков – война США с Японией в 1940-е гг., современная конфронтация тех же США с Ираком, показывают, как процессы глобализации во многом соответствуют духу именно гегелевской, а не кантовской «философии вечного мира». Сегодня, после двух разрушительных мировых войн, очень не просто рассуждать о том, можно ли посредством войны привести человечество к демократии и цивилизованному будущему. Но, вместе с тем, та же история напоминает нам и о том, что когда к 1940-м гг. Европа была «поделена» между фашистской Германией и сталинским СССР, демократия вернулась на Запад этого континента, в конечном счёте, на танках США, став своего рода реализацией идеи «американского мессианизма».

4. Характеризуя систему политической философии Гегеля, следует заметить, однако, и наличие в ней ряда моментов, практическая аппликация которых на современные реалии может свидетельствовать не только о её эвристичности, но в какой-то мере и об *уязвимости*. Так, с одной стороны, у Гегеля определенному народу в определенный момент передано его осуществление в поступательном движении саморазвивающегося самосознания мирового духа. Этот народ, господствующий во всемирной истории, для данной эпохи составляет эпоху во всемирной истории, является выразителем данной ступени в движении мирового Духа. Духи других народов бесправны и при этом не принимаются в расчет. Мы снова находим у Гегеля обоснование сегодняшнего однополярного мира. Но здесь же обнаруживает себя и очень высокая степень уязвимости ценностной составляющей его философии. Так, для Гегеля не существовало в качестве первоочередной проблемы то, хороша или плоха эта экспансия мирового Духа через тот или иной исторический народ. Для него и развёртывание самого Духа, и являющаяся его отражением эволюция человечества – абсолютно естественные, самодостаточные, содержащие собственный внутренний двигатель и источник развития в самих себе процессы, а не инициированные откуда-то извне. Единственным критерием, позволяющим квалифицировать адекватность бега реальной истории логике развития Духа, у Гегеля была экспансия, распространение, объективация форм права и свободы. Ибо

именно свобода и есть субстанция и сущность Духа. Но при этом свобода и право, торжество которых и является индикатором, философским термометром вышеотмеченного соответствия, приобретают у Гегеля форму объективной реальности, т. е. resultируются в достижении единства понятия права и наличного бытия права, как результат объективации понятия права. Этот уже ранее отмечавшийся нами монизм (то, что для Гегеля его диалектический метод был абсолютен для всех сфер духа, ни один объект, включая и политическую сферу, не мог оказать ему сопротивление) и тесно связанный с ним европоцентризм породили ряд концептуально-парадигмальных сшибок: так, с одной стороны, Гегель допускал существование так называемых «плохих» государств или, скажем мы – «плохих» цивилизационных типов. Они его, правда, не интересовали, так как они, по его мнению, не реализовали в себе понятия подлинной идеи государства; но, одновременно, Гегель отказался от понимания субъекта в качестве неподвижного и раз и навсегда данного. Это связано с его диалектической философией отрицания и поэтому он, провозглашая в качестве механизмов осуществления абсолютного Духа цепочку диалектических «снятий», провозгласил потенциальное равноправие сторон противоречия (пусть временное), а также их некоторую симметричность. В переводе на язык современных реалий это означает возможность каждого из региональных социальных проектов претендовать на статус универсального, самодостаточного и единственно подлинно разумного. Таким, например, «субъектом» мирового Духа квалифицирует себя сегодня ислам, а также, наверное, и бурно развивающийся Китай.

Как это не парадоксально, но гегелевская диалектика допускает возможность амбиций частного,

отдельного по отношению к целому. Поэтому, если описывать современный мир в терминах философии Гегеля, мы можем констатировать, что, будучи провозвестником идеи глобализации, доказывая её разумность и действительность, он сохранил в то же время интеллектуальный допуск, на основании которого универсальному проекту глобализации всегда будут противостоять корпоративные проекты, претендующие на такую же степень всеобщности. То, что у Гегеля должное и сущее (действительность) онтологически совпадают, привело к тому, что путь от сущего к должному оказался на философском языке его диалектики не проясненным и описывался на языке главным образом его политической философии (имеется в виду, в том числе, и его идея о позитивной роли войн).

Поэтому современным исследователям его философии здесь есть над чем поразмыслить. Понятно, что современный глобализирующийся мир живёт всё же в большей мере не по Канту, а по Гегелю. И если встать на позиции гегелевской философской парадигмы, то следует, по-видимому, во имя спасения абсолютного Духа, защищать гегелевские идеалы права и свободы, отстаивать здесь, в Европе, истинно европейские ценности, руководствуясь при этом идеей, что глобализация – это будущее человечества. Хотя здесь есть и другая альтернатива – ограничить рамки Вселенной, в которой разворачивает себя абсолютный Дух Гегеля, определенными цивилизационно-культурными рамками, где бы отдельно развивался западный (назовём его гегелевский) анклав, отдельно мусульманский, отдельно конфуцианский и т. д., в каждом из которых господствовали бы свои системы ценностей.

Использованная литература

1. Гегель, Г. Философия права / Г. Чанышев. – М., 1990.